



АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

БРАТ ЗА СЕСТРУ



ПРОДАНО  
9 000 000  
КНИГ

БОЕВЫЕ  
БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Александр Тамоников

**Брат за сестру**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Тамоников А. А.**

Брат за сестру / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-90874-5

Майора спецназа Олега Кравцова неожиданно увольняют со службы по компрометирующим обстоятельствам. Его сестра Ольга вышла замуж за гражданина Турции, уехала в Сирию, где приняла ислам и вступила в ряды экстремистов. По данным разведки, в настоящее время она в составе бандформирований активно участвует в боевых действиях против правительственных войск. Олег решает спасти сестру. Он отправляется на Ближний Восток – как частное лицо, турист-одиночка. Но вот наступает момент, когда в нем пробуждается тот прежний несокрушимый, бесстрашный и беспощадный офицер спецназа...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90874-5

© Тамоников А. А., 2016  
© Эксмо, 2016

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# Александр Тамоников

## Брат за сестру

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

\* \* \*

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.  
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.  
От автора*

## Глава 1

Полдень 23 марта в подмосковных Любнах выдался беспокойным. Такого в тихом городке еще не было. Городок располагался в 40 километрах от Кольцевой дороги, славился малоэтажной «купеческой» архитектурой, красивым храмовым комплексом на Лебяжьей горе. Сюда, как в Мекку, стекались туристы, преступлений совершалось немного – местная полиция эффективно следила за порядком. Но этот день стал полной неожиданностью. Первые выстрелы прогремели в полдень на улице Объединения – в центре городка, насыщенном ресторанами и развлекательными заведениями. День был рабочий, но людей на улице хватало. Стреляли пистолеты, взорвалось несколько гранат, забили автоматные очереди. Для учений силовых структур это было как-то дико. Прохожие в панике разбегались – вдоль по улице, в примыкающие переулки. Гудели машины, автолюбители разворачивали свой транспорт. Микроавтобус, ведомый испуганным водителем, вылетел на тротуар, едва не задавив трехлетнюю девочку – мама успела схватить ее в охапку и броситься к афишной тумбе. Центром событий стал небольшой ресторан итальянской кухни «Паста-Белла», расположенный напротив сквера. Дома в этом районе были двух-трехэтажные, несли в себе некий исторический колорит, тротуары мощены брусчаткой. «Теракт! Теракт!» – кричали люди. Вчера был Брюссель, в котором террористы «Исламского государства», взорвали несколько бомб, сегодня – маленький подмосковный городок...

В ресторане кричали люди, попавшие в ловушку, плакала женщина. Бандиты палили куда попало. Пули крошили стекла, калечили интерьер. Люди в масках и бронежилетах, вооруженные «АКС», окружали здание, залегали за киосками и фонарными столбами. Кто-то лаял в мегафон, призывая освободить улицу, не лезть под пули. Проводится спецоперация, в которой с самого начала все пошло не так!

На заднем дворе прогремел взрыв, потом еще один. Вспыхнула стрельба у главного входа на улице Объединения. Пули рвали навес, под которым стояли зачехленные столики (наружная часть ресторана по причине марта еще не работала), били горшки с декоративными сосенками, красивые решетчатые загородки. Преступники стреляли из окон и сразу прятались. Машины с проезжей части как корова языком слизала. Вдали ревели сирены, гудела толпа. Полиция оцепляла квартал, не пуская зевак. На безопасном удалении собирались люди, встревоженно переговаривались. Ругалось полицейское и фээсбэшное начальство. Подъехало несколько полицейских машин – разбегались стражи правопорядка с автоматами. Рычал мужчина в элегантной бежевой куртке: операцию проводит ФСБ, полиции не лезть, осуществлять оцепление! Перекрыть все подходы и подъезды к зданию 84 на улице Объединения, эвакуировать жителей окрестных домов! Рассогласованность в действиях смежных ведомств была налицо. Никто не рассчитывал, что «спецоперация» пойдет именно так. Подъехал микроавтобус с зашторенными окнами, высаживались бойцы спецподразделения в легкой экипировке, стали просачиваться в глубь дворов...

Изначально собирались брать преступников без шума. Операцию проводила ФСБ. К нужному часу в соседний квартал подвезли автобус со спецназом – дань инструкции, наивно полагали, что он не понадобится. Группу сторонников «Исламского государства», тайно орудующую в Подмоскovie, выслеживали месяц. Вычислили место проживания, количество «штыков» и даже получили информацию о ближайших планах. Планы были дерзкими и амбициозными. Вакханалия со стрельбой в концертном зале Крокус-сити во время выступления известной рок-группы – наподобие вакханалии в парижском «Балаклане». Одновременно – теракт в метро на кольцевой ветке, взрывы на Арбате. И все планировалось через день после Брюсселя – то есть завтра. Смертники были готовы, коротали время в заштатной гостинице «Локомотив». Взрывчатка и оружие дожидались в съемной квартире на северо-западе Москвы.

«Мозг» группы – пятеро боевиков ИГ, граждан Российской Федерации, тайно вернувшихся в страну, сидели в Любнах на арендованной квартире. К полудню 23-го числа шахиды в гостинице были обезврежены, взрывчатку контролировали спецслужбы, а вокруг дома № 84 по улице Объединения замыкалось кольцо. Все пятеро сидели в квартире – на втором этаже двухэтажного кирпичного дома, первый этаж которого занимал итальянский ресторан. Спецназ собирался без шума войти во двор – дверь подъезда без намека на домофон, второй этаж, «коридорная система», надо только выбить хлипкую дверь. Подвела дворовая собака – ее никто не предупредил о готовящейся операции, и она загавкала в самый ответственный момент. Кто-то из бандитов выглянул в кухонное окно, увидел перебегающих людей в масках...

Личного оружия у преступников оказалось вдоволь. Автоматы Калашникова, ручные гранаты. Рассвирепевшая шайка кинулась прочь из квартиры, не дожидаясь, пока замкнется кольцо. Скатились по лестнице, открыли ураганный огонь по бойцам, залегшим в песочнице. Кричали: «Смерть кяфирам!» К счастью, во дворе было мало граждан и совсем не было детей. Грязно, сыро, в тенистых местах еще не растаял снег... Спецназ ФСБ пришел в замешательство, люди зарывались в песочницу, остальные отступили за гаражи. Прорываться с боем преступники не стали: выбеги во двор – и нашьпигуют свинцом. Они прошли в соседнюю дверь, через тыловой вход в ресторан. «Газель» под разгрузкой оказалась неплохим прикрытием. Дверь мгновенно заблокировали, «подперли» гранатой, растеклись по ресторану, стреляя в воздух и крича страшными голосами. Перекрыли выход, отрезали посетителей и персонал от окон. Перепуганных людей сгоняли в кучу – в малый зал, отгороженный от входной двери большим залом. Посетителей было немного – несколько мужчин, несколько женщин. Директор отсутствовал, вместо него имелись бухгалтер – женщина средних лет в деловом костюме, три официантки, бармен, пара поваров, которых, полумертвых от страха, пригнали из кухни. Людей пинали, били по лицам, с женщинами тоже не церемонились.

– Всем на пол, сидеть и не шевелиться! – грозно орал рослый небритый тип, сверкая налитыми бешенством глазами. – Кто дернется – я гарантирую пулю!

На кухне прятался еще один поваренок! Молодой щекастый парнишка сидел за баками, дрожа от страха, а когда коренастый преступник в черной куртке, контролирующий вход, на минуту отлучился, вылетел из кухни и опрометью бросился к выходу. Он имел все шансы, кабы не другой бандит – горбоносый субъект с холеным лицом, засевший у разбитого окна. Он среагировал мгновенно, стегнул из «АКС» – и парнишка, пробив перила у входа, покатился обратно в зал, обливаясь кровью из раскроенного черепа. Верещала молоденькая девчушка с зеленым от страха личиком – вот так сходила с парнем в ресторан! Она получила по виску казенником и упала на паренька, который вскочил, в гневе сжимая кулаки. Заготовил кривоногий субъект с прыщавой физиономией, сделал подножку, ударил упавшего ботинком по лицу. А когда тот начал подниматься, подлетел еще один – нескладный, сутулый, но сильный, двинул кулаком по глазу, превратив его в багровый отек.

Остальные не сопротивлялись. Люди лежали у стены, закрывая головы, молились. Попытка спецназа зайти со двора не увенчалась успехом. Дверь взломали нажатием лома, хотели бросить светошумовую гранату, но задели растяжку, и чека, блокирующая капсюль взрывателя, вырвалась. По звуку все сразу это поняли, покатались с крыльца, но один замешкался, в результате осколок застрял в бронежилете. Боец застонал, его оттащили за ноги. Кто-то из террористов выбежал в коридор заднего хода, швырнул на улицу еще одну «РГД». Бойцы рассыпались, граната никому не навредила. Захлопнулась деформированная дверь, лягнул засов.

– Все назад! – прокричали из-за двери. – Еще полезете – начнем убивать заложников!

Командовала «парадом» не самая светлая голова. Этот начальник, истекающий бешенством в ближайшем переулке, не мог смириться с мыслью, что вся просчитанная операция накрылась медным тазом. Он верил, что ее еще можно закончить решительным ударом. Попы-

ток пробиться через заднее крыльцо больше не предпринимали. Бойцы, вооруженные автоматическим оружием, приготовились штурмовать парадный вход. Они крались, прижимаясь к фундаментам. Поднялись несколько человек, стали забрасывать окна светошумовыми гранатами. Но боевой опыт у противника имелся. Момент атаки террористы не проворонили, схлынули в смежные помещения. А в нужный момент вернулись, открыли огонь из всех стволов, швырнули в окна пару боевых гранат. Спецназ, чертыхаясь, откатился на другую сторону улицы, укрылся за цветочным и книжным киосками.

– Мерзкие гяуры! – гремело из ресторана. – Совсем бестолковые, да? Мы предупреждали, что начнем убивать заложников? Так получайте...

Не успели опомниться, как распахнулась входная дверь, и на улицу выбросили взъерошенного молодого мужчину. Дверь захлопнулась. Мужчина скатился с крыльца – он кричал от боли в отбитых ребрах, – поднялся на ноги, растерянно озираясь, и засеменил к тротуару. Из окна простучала короткая очередь. Нога соскользнула с бордюра, он упал лицом вниз. Округа потрясенно молчала. В спасении этот несчастный уже не нуждался – под головой растекалась лужа крови.

Все становилось слишком серьезно. В квартале воцарилась мертвая тишина. Бойцы укрылись, ждали приказа. Раненых и контуженных эвакуировали на параллельную улицу, где дожидались кареты «Скорой помощи». На крышу здания напротив поднялись снайперы, залегли. Они могли контролировать оконные проемы, в которых изредка мелькали преступники. Последовал доклад: можем убрать парочку. «Не стрелять», – скрипя зубами, процедил майор Грудень, руководящий операцией. За мертвого заложника он уже получит, и неизвестно, сколько трупов внутри ресторана. Плюс переполох в туристическом районе, за который кто-то должен ответить, плюс пострадавшие ребята... Он метался по переулку, сжимая рацию, ловил смущенные взгляды подчиненных и местных полицейских, которых никто не приглашал! Удачно начавшийся день превращался в какой-то кошмар. Уже звонил начальник управления, срывался на крик: вы белены там объелись?! Вашу пальбу в столице слышно! Майор докладывал, стараясь не срываться на фальцет: ситуация под контролем, товарищ генерал-майор, противник локализован и будет уничтожен, принимаются действенные меры по его устранению. Затем выхватил сотовый телефон и зашипел в него: «Капитан Осинцев, отвести людей, держать периметр, под пули не лезть! Где переговорщики, мать их?! Срочно найти директора ресторана, план канализации, вентиляционных шахт! Почему еще не сделали? С головами полная задница? Когда вы наконец научитесь меня не бесить?!»

В осажденном заведении тоже было тихо. Террористы обдумывали план дальнейших действий. Иногда из окон доносились крики, но быстро обрывались. Руководство группы захвата пока не пыталось выйти с террористами на связь – переговоры с ними Российская Федерация не ведет! Запертые преступники тоже не докучали абсурдными требованиями. Возможно, связывались со своими боссами. Потом из ресторана донеслась искрометная ругань: заглушили сотовую связь в районе. В квартирах над заведением стояла тишина, окна были задернуты шторами. Эвакуировать жильцов не имелось никакой возможности. Хотелось верить, что все живы и попрятались.

Загадочная тишина продолжалась минут пятнадцать. Гибкий силуэт вскарабкался по пожарной лестнице, приваренной к торцевой части здания, залег на крыше. Пару раз мелькнула голова – он полз к зарешеченному коробу, в котором находилась шахта вентиляции. Согласно плану, с ней смыкалась и система вентиляции итальянского ресторана. Мучительно медленно текли минуты.

– Эй, шайтаны, вы еще здесь? – прокричали из ресторана с характерным восточным акцентом. – Не надоело еще? Слушайте требование, проклятые гяуры! Чтобы через полчаса у крыльца стоял обычный рейсовый автобус со шторами на окнах! Никакого преследования, никаких попыток открыть огонь! Здесь одиннадцать заложников, из них семь баб! Если не

верите, можем скинуть фото! Время пошло, сверяйте часы! Будете вести себя паиньками, заложники не пострадают и мы их выпустим за городом! Каждые пять минут задержки – будем убивать по одному заложнику! Все уяснили? Больше требований нет! – «Глашатай» не удержался, заржал: – Так и быть, миллион долларов оставьте себе!

Люди в оцеплении недовольно зароптали – и так унизили, будем продолжать этот позор? Майор Грудень скрипел зубами, лихорадочно искал выход. Выпускать преступников – уж точно позора не оберешься. Запланированные теракты сорваны, это плюс, но что мешает банде головорезов запланировать новые? Или тупо устроить резню в ближайшем супермаркете, которая тоже войдет в «анналы»?

– Товарищ майор, это Агафонов... – сдавленным шепотом сообщила рация. – Я прополз по вентиляционному каналу – он широкий, здесь может пройти вся группа... Несколько ответвлений – на кухню, склад, есть ветка в подвал... Тут такие запахи с кухни, товарищ майор!

– Не отвлекайся, – встрепенулся Грудень. – Ты где сейчас?

– Здесь, кажется, кухня... Это широкая труба прямоугольного сечения – довольно хлипкая, жесть, но вес выдерживает. В ней решетки снизу, люки можно открыть... Труба извивается, протянута между стеной и потолком, проходит через несколько помещений... Обзор неважный, но я вижу часть обеденного зала, двух террористов с автоматами – они без масок, лица восточные... Вижу нескольких заложников, это женщины, они скорчились на полу, закрыли головы... Дальше ползти опасно, товарищ майор... Я могу выбить решетку под собой, прыгнуть вниз...

– Отползай... Вернись к шахте, жди ребят – я высылаю группу...

– Понял, товарищ майор...

В этот момент и случилось страшное. Человек в вентиляции чем-то выдал себя. Из заведения посыпались возмущенные возгласы, забили в припадке автомат! Треск, хруст, ломалась не очень прочная жесть. Вместе с частью конструкции обрушилось тело. Майор Грудень смертельно побледнел, попятился в глубину переулка. Выстрелы смолкли, но вскоре прогремел глухой взрыв – видимо, преступники швырнули гранату в шахту. Над крышей возник и развеялся сизый дымок – словно автомобиль пыхнул выхлопом. В здании продолжали кричать, двое преступников засели за оконными переплетами, стали хлестать наобум – видимо, опасались, что силовики могут воспользоваться ситуацией. Силовики молчали. Снайперы на крыше терзали переговорные устройства. Майор Грудень находился в состоянии шока.

А внутри опять наметилось движение. Распахнулась дверь, появилась растрепанная девушка в окровавленных джинсах. Ее держал перед собой в качестве щита рослый небритый субъект. Он хищно скалился. Напряглись снайперы на крыше. Частично за их спинами обрисовались еще двое – они ногами вытолкали на крыльцо мертвого спецназовца и тут же скрылись. Тело было изрешечено пулями. Он лежал на крыльце, разбросав руки. Из открытого рта текла кровь. Верзила попятился, оттолкнув от себя девушку. Прежде чем захлопнулась дверь, из нее прогремела очередь, пули прошили жертве спину, она закричала и повалилась ничком на ступени.

Участники спецоперации подавленно молчали. Обливался потом сидящий за углом майор Грудень – он видел, что происходит в сотне метров от укрытия.

– Кретины, вас же предупреждали! – прокричали из ресторана. – У нас осталось десять заложников, что, резвимся дальше? Любая попытка проникновения в здание, и мы будем расстреливать! У вас осталось двадцать две минуты! Если через указанное время не подадут рейсовый автобус со шторами и полным баком, мы начнем сокращать поголовье вашего населения! Первой умрет девочка по имени Вика – хорошенькая официантка, просто персик! – Террорист похабно загоготал.

Банда открыто издевалась над бойцами спецподразделения! Им ничто не мешало преодолеть тридцать метров открытого пространства, еще раз попытаться счастья – световыми

гранатами, броском в окна. Они бы уничтожили банду! Возможно, без потерь. Но сколько заложников при этом погибнет? Все уныло смотрели на три неподвижных тела у входа в ресторан. Два мужских, одно женское. Сколько покойников еще внутри? «Леху убили... Леху Агафонова... – скрежетал зубами молодой боец, лежащий за цветочным киоском, и усиленно моргал, сдерживая скупую слезу. – Суки... падлы... Как же так, Леха? Мужики, может, он еще жив?»

Затрещала рация у майора Грудень, заговорила смутно знакомым голосом с насыщенным тембром:

– Добрый день, Афанасий Петрович, генерал-майор Кашарин беспокоит – начальник Управления специальных мероприятий Федеральной службы противодействия террору. Хватит безумствовать, майор, вы уже наломали дров! Еще один некомпетентный приказ с вашей стороны – и вас ждут оргвыводы. Прикажете своим людям оставаться на месте и ни в коем случае не стрелять. На провокации не реагировать. Вы отстраняетесь от проведения операции – это дело поручено нашему управлению. Требования террористов должны быть выполнены, скоро подойдет автобус. Ни одного выстрела во время погрузки – даже если преступники останутся без прикрытия. Вы все поняли, Афанасий Петрович?

– При всем уважении, товарищ генерал-майор... – Грудень начал багроветь от злости, – вы не мой начальник, вы не имеете оснований...

– Не имею оснований, говорите? – В голосе собеседника зазвенели стальные нотки. – Вы еще недостаточно облажались, майор? Хотите завтра поговорить об этом на Совете безопасности, куда вас непременно вызовут? Еще есть шанс если не исправить ошибки, то хотя бы минимизировать потери и выполнить поставленную задачу! Будете дальше глупить, майор? Немедленно выполняйте приказ! Ваше начальство свяжется с вами позднее и подтвердит полученный приказ!

Последующие пятнадцать минут в квартале стояла тишина. Спецназ лежал без дела. Террористы перестали выкрикивать оскорбления и тоже приумолкли. За несколько минут до истечения отпущенного срока послышалось прерывистое гудение. Показался пассажирский автобус «ПАЗ 4234» – модернизированная версия с удлиненной базой и увеличенным количеством посадочных мест. Автобус был не новый – корпус украшали ржавеющие царапины, бампер имел вмятины. Обычный рейсовый автобус под номером «четыре». Над лобовым стеклом значился маршрут: станция «Пожарская» – 2-й микрорайон. Водитель подводил машину неуверенно, явно был не храброго десятка. Автобус приблизился к крыльцу заведения, резко затормозил. Отворилась дверь кабины, и из нее вывалился, бледный, как мел, невысокий мужичонка предпенсионного возраста, обогнул кабину и припустил на другую сторону дороги.

Террористы не стали тянуть резину. «Не стрелять! – орали они. – За каждый выстрел будем убивать одного заложника! Всем отойти, никакого преследования!» В проеме возник бандит – коренастый, приземистый, в распахнутой черной куртке. Он держал за шиворот женщину среднего возраста с искаженным лицом, прячась за ее ширококостной фигурой, а в висок заложницы упирался ствол пистолета. Оба стояли в проеме, дальше не пошли. Намек был доходчивый. Оттеснив их, на крыльцо вышел прыщавый кривоногий субъект. Он демонстративно не прятался. Постоял на крыльце, поплевал, исподлобья обозрел местность и направился к автобусу. Обошел его с одной стороны, с другой, презрительно глянув на торчащие из клумбы головы сотрудников спецподразделения. У бойцов сводило пальцы на спусковых крючках – соблазн разнести череп упырю был велик. Тот все понял – засмеялся, помахал кривыми пальцами, затем забрался в кабину, проверил наличие бензина, произвел нужную манипуляцию – и обе двери автобуса открылись. Он поднялся по ступеням в салон, задернул несколько окон и, выйдя наружу, сделал знак – все в порядке, братья. Сплюнул в сторону спецназовцев и вновь забрался в кабину – видимо, имел представление, как пользоваться этой штукой.

Террористы повалили из ресторана, прикрываясь заложниками. Они орали, матерились. Плакали женщины. Вскрикнула миловидная блондинка – она споткнулась, за что и получила затрепину. У одного из мужчин сдали нервы – не по сезону загорелый, в парусиновом костюме песочного цвета, он оттолкнул сутулого субъекта с клочком волос на подбородке, кинулся прочь спортивными прыжками, надеясь уйти за автобус. Гавкнул автомат, и еще одна жертва покатила по проезжей части, пачкая элегантный костюм. Снова воцарилась суматоха – крики, гам. Террористы забрасывали заложников в автобус, влезали сами. Споткнулась о подножку женщина средних лет в жакете и длинной юбке. Из салона злобно гаркнул террорист со щеточкой усов под носом и «не по жанру» ухоженным лицом – схватил ее за волосы, втащил внутрь. Девять заложников – все правильно. Последним запрыгнул главварь – спортивно сложенный, рослый, щетинистый. В выбитых окнах ресторана занималось пламя – перед уходом бандиты решили устроить пожар, чтобы экстренным службам было чем заняться.

Захлопнулись двери. Автобус уезжал демонстративно медленно, под нестройные вопли «Аллах акбар!», «Смерть неверным!». Прижимались к обочинам полицейские машины. Убегали в переулки любопытные зеваки. Автобус проехал мимо майора Груденья, и он прижался к стене, холодный пот выступил на лбу. Но никто не стрелял. Водитель поддал газу – машина побежала резвее, порвала ленточку полицейского ограждения. Кончился квартал, а вместе с ним и зона проваленной спецоперации. Груденья снова кусал локти. Уйдут же! Его отстранили от дела, но где хваленые работники Федеральной службы по противодействию терроризму?! Взяли бразды правления? И где они?! Пошли на поводу у террористов, доставили то, что требовали, дают им спокойно уйти... Приказ генерала Кашарина был конкретен: не вмешиваться! Но Груденья не мог смириться. К черту это самое управление! Кто они такие? ФСБ готовила операцию, ФСБ и должна действовать!

– Осинцев, ты на связи? – Он выбежал на улицу. Автобус еще не скрылся из виду, попыхая выхлопными газами.

– Слушаю, товарищ майор, – отозвался капитан.

– Все машины – за ними! Ближе не подъезжать, держать дистанцию. Но только не потерять! Привлеките полицейских!

– Товарищ майор, но нам же приказали... – растерялся подчиненный.

– Выполнять! – взревел Груденья. – Здесь я отдаю приказы!

– Слушаюсь, товарищ майор...

Машины развернулись и устремились за автобусом по улице Объединения. Они проехали перекресток, ревя сиренами, став причиной незначительной аварии на примыкающей дороге – водитель маршрутки слишком резко дал по тормозам, не посмотрев в зеркало. Встречный и попутный транспорт прижимался к обочинам.

Закончились благоустроенные кварталы Любны, потянулись бетонные заборы, пустыри, цеха захиревшего завода шарикоподшипников. Автобус свернул с основной дороги на щебеночную. Дорога прорезала рабочий поселок, застроенный двухквартирными домами, до него оставалось метров восемьсот мимо неприглядных камышовых озер. За поселком дорога терялась в лесистых холмах. Вереница патрульных машин с ревом сворачивала за автобусом. Внезапно автобус резко остановился. Водитель первой машины от неожиданности тоже ударил по тормозу. В автобусе прогремело несколько выстрелов, завизжали женщины, после чего распахнулась задняя дверь, и террористы выбросили женское тело. Голова несчастной была залита кровью. Из автобуса высунулся террорист, покрутил пальцем у виска и проорал:

– Кретины! Вас же предупреждали! Никакого преследования! Всем оставаться на месте!

Вереница машин застыла посреди дороги. Люди не знали, что делать. Автобус покатиł дальше, выбрасывая грязь из-под колес. Капитан Осинцев, находящийся во главе колонны, сбивчиво излагал майору Груденью обстоятельства трагедии. Майор, оставшийся в Любнах, обливался потом. Вяло ворочая языком, он приказал капитану прекратить преследование,

выполнять распоряжение генерала из Управления по борьбе с террором. Через несколько минут с потрясенным майором связался генерал-майор Кашарин – помянули черта.

– Наслышан о ваших последних достижениях, майор, – прохладно поведаль генерал. – Не хочу вам угрожать оргвыводами и подробным разбирательством. У вас есть собственное начальство, оно и примет решение. От себя лишь хочу заметить: дурак – это плохо, дурак с инициативой – еще хуже, а вот дурак с возможностью ее реализации – это совсем, знаете ли, беда...

А автобус тем временем миновал поселок и запетлял по дороге мимо заросших кустарником холмов. Террористы отгибали шторы, выглядывали в окна. Коренастый бандит в черной куртке сидел на корточках у заднего окна, высовывал нос, извещал об отсутствии погони. На задней площадке сидений не было, приходилось держаться за поручень под стеклом, запинаясь ботинками о стальной уголок, приваренный к крышке люка. Люк имел, по-видимому, технологическое назначение, крышку запирали плоский накладной замок. Водитель начал выворачивать баранку, съезжая с основной дороги на второстепенную. Вдоль нее побежали замшелые строения, пересеченная местность, лишенная всякой живописности. Террористы расслабились и, ухмыляясь, с каким-то плотоядным интересом стали посматривать на заложниц.

– Отстали шайтаны позорные... – пробасил обладатель кожаной куртки, протискиваясь по проходу в середину салона. – Рамшан, они отстали, мы сделали их! – гаркнул он старшему, стоящему на ступенях рядом с водителем. Террористы одобрительно загалдели.

– Жалко, что миллион баксов не попросили, – бросил прыщавый водитель, – они бы принесли.

Бандиты вразнобой захохотали. Усатый холеный тип и его сутулый сообщник находились в середине салона, рядом с заложниками. Последние теснились восьмером на двух сиденьях, испытывая чудовищные неудобства – их специально так посадили, чтобы ограничить свободу движений. Трое мужчин, пять женщин. Избитые, оборванные, вялые. Окровавленные лица и одежда. Несколько человек находились на грани потери сознания. Никто не ерепенился – взгляды людей потухли, их качало. Стонала от боли пышнотелая шатенка с разбитой губой – ей на колени усадили седоволосого мужчину без сознания – голова его клонилась набок, с виска стекала кровь.

– А она ничего, эта грязнушка... – коренастый пристроился через проход, потрепал за щеку бледную блондинку. – Развлечемся, крошка? Хочешь попробовать настоящего борца за веру? Когда еще удастся?

– Пошел ты, чурбан гребаный... – отрешенно пробормотала девушка. – Убери руку, засранец!..

– Протестует, – хихикнул усатый.

– Нет-нет, протест отклонен, – осклабился коренастый и запустил руку под блузку. – Померла так померла...

– Руку от нее убери, козел... – Стиснутый рядом мужчина словно ожил, сжал кулаки. – Убери, кому сказано, чмо поганое! Ты не мусульманин, ты убожество...

– Ах ты, сука! – обозлился коренастый, стряхнул с плеча автомат и ударил парня казенником по виску. Тот дернулся, и голова безжизненно повисла. – Свинья паршивая, о чем с ним говорить...

Террористы злорадно ухмылялись.

– Спешит паренек на тот свет, – констатировал сутулый. – Очень спешит...

– Попасть на тот свет нетрудно, – философски заметил усатый. – Вернуться – трудно.

– Это точно, – согласился сутулый. – Братья, а ведь от нас действительно отстали! – сообщил он, отворачиваясь от окна. – Пора расслабиться – чего девчонки пропадают? Вон их сколько. Рамшан, скоро наши люди нас перехватят?

– Так, хватит расслабляться, чему радуетесь? – гаркнул главарь, зависший на ступеньках рядом с водителем. Он закончил разговор по телефону, нахмурился: – Мы ушли, но дело провалено, нужно все исправлять. Оставьте баб в покое. За нами могут следить – у них хватает технических средств. Братья нас перехватят, но мы сами должны добраться до окраины Можайска. Вы двое, идите сюда, нужно кое-что обсудить. Ахмет, останься с заложниками. Следи за ними, не трогай, успеешь еще потрогать...

Двое послушно потащились в голову салона. Коренастый демонстративно передернул затвор и уселся позади заложников. Трое террористов и водитель приглушенно переговаривались. Никто не видел, как на задней площадке дрогнула прямоугольная крышка технического люка, запертая на накладной замок. Крышка бесшумно приподнялась – петли были хорошо смазаны. Наличие замка не служило препятствием – если присмотреться, клык замка был пропущен мимо скобы. Крепление оказалось «липой». Именно замок сбил с толку террориста, осматривавшего салон. Образовалась щель порядка двух сантиметров, и в ней возник глаз. Он видел не все, но самое главное. Проход по центру салона, ноги развалившегося Ахмета. За ним – заложники на двух сиденьях. Зоркий глаз видел часть кабины, кучку бандитов. Крышка приподнялась еще на несколько сантиметров. Образовалось скуластое лицо, измазанное грязью, густые брови, сосредоточенные карие глаза. Они принадлежали сравнительно молодому мужчине, одетому в комбинезон мышинного цвета. Люк продолжал открываться, мужчина привстал. Между полом и ходовой частью располагалась полость, где мог поместиться человек – к сожалению, один.

Подержанный автобус на самом деле принадлежал группе специального назначения, приписанной к Федеральной службе по борьбе с террором. Старенькая, но часто выручавшая «многофункциональная» машина. Как только поступил приказ, развернулась кипучая деятельность. Сменили номера, приделали рейсовый номер, конечные пункты «маршрута следования». За руль посадили майора Рябинина, успешно исполнившего роль испуганного водителя. «Приятный сюрприз» в автобусе уже имелся: его звали Олег Иванович Кравцов, возраст – 34 года, звание – майор, должность – командир группы спецназа Управления специальных мероприятий Федеральной службы по борьбе с террором. Группа временно базировалась в Дивном, ее оперативно перебросили в Любны. Импровизация удалась, террористы клюнули...

«ПМ» с глушителем пополз вверх. Риск зашкаливал – если кто-то вдруг обернется... Водитель недостаточно сбросил скорость у поворота, машину стало заносить, «приятным» дополнением стала выбоина в дорожном покрытии. Автобус тряхнуло, террористы схватились за поручни, загалдели, как стая ворон. Водитель заржал – мол, все в порядке, сядем все! Выстрел из «макарова» слился с гамом. Тело стрелка ушло вниз – на прежнее «спальное» место. Закрылась крышка люка, осталась только щель. Дернулась голова сидящего спиной Ахмета, свесилась на грудь, в затылке нарисовалось входное отверстие. Главарь Рамшан что-то почуял – глушитель не позволяет добиться полной бесшумности. Он резко повернул голову, окинул колючим взглядом заложников, проход, ряды сидений на другой стороне. Ахмет сидел позади заложников, и Рамшан его не видел. Он поколебался, снова вернулся к разговору, начал энергично жестикулировать. Двое других закрывали его своими спинами. Вновь отворился люк, майор Олег Кравцов выполз в салон, и крышка бесшумно улеглась в створ. Откат вправо, скорчился за последним сиденьем рядом с дверью. Опять Рамшан почувствовал неладное, покосился на проход. Что-то мешало ему сосредоточиться.

Кравцов по-пластунски полз под сиденьями – благо пространство позволяло. Он миновал два ряда, протиснулся между ногами «отмучившегося» Ахмета, свернулся улиткой и, пристроившись под сиденьем, уперся пятками в решетку батареи. Лежать под мертвецом было не очень комфортно. Извернувшись, Олег вытянул руку, нащупал затворную раму автомата у Ахмета на коленях и потянул автомат на себя, моля, чтобы ремень за что-нибудь не зацепился. Смертоносная игрушка поменяла владельца.

– Ахмет, сюда иди! – вдруг громко выкрикнул главарь. – Базар есть!

Ахмет, по понятным причинам, не реагировал. Главарь еще что-то выкрикнул – снова ноль внимания. Он выругался, толкнул подельника. Тот затопал по проходу – будить спящего. Переворот на бок, автомат вровень с полом, ствол отслеживал стоптанные кроссовки. Прогремела очередь. Визг – бандит повалился в проход с простреленной ступней, вторая очередь пропорола туловище. Олег оттолкнулся пятками от решетки, въехал в проход. Он бил короткими очередями, не вставая. Вопли, паника, метались бандиты. Усатый корчился в проходе, он еще был жив, хрипел, давясь кровью. Вторая очередь прошила бок, прострелила легкие. Дотянуться до оружия он уже не помышлял, хватал воздух, глаза бешено вращались. Рамшан с искаженным лицом откинулся на закрытые двери – из плеча фонтанировала кровь. Все обилие свинца досталось сутулому. Тот даже не понял, что происходит. Затрясся, как в эпилептическом припадке, повалился на моторный отсек, оттуда сполз на пол.

Автобус шел по прямой – надо же, везенье! Но впереди маячил поворот. Грязно ругался прыщавый водитель – дергался, не знал, что делать. Олег уже поднялся. С усатым церемониться не стал, выплюнул короткую очередь, разворотив скулу. На взволнованных заложников он не смотрел – никаких отвлекающих факторов! Сократилось поголовье скотины – трое из пяти благополучно отбыли в свой хваленый рай (хотя, если вдуматься, им прямая дорога в ад!). Вдруг подпрыгнул истекающий кровью Рамшан, взревел, дотянулся до спуска автомата, но Олег уже ушел с линии огня. Разлетелось стекло – лишь бы не череп! Он бил ожесточенно – в упор, выбивая последние патроны из магазина. Рамшан орал как оглашенный, вцепившись в поручни, пули подбрасывали его, и казалось, что он танцует. Олег швырнул ему в лицо опустевший автомат и уже не отслеживал финальную фазу умерщвления. Автобус вдруг круто повело – он повалился на пустое сиденье. Прыщавый решил не геройствовать во имя Аллаха, распахнул свою дверь и вывалился наружу! Олег опять вышел в проход. Быстрый взгляд назад – террорист катился в канаву водостока, прыщавая физиономия превратилась в одну орущую бездонную глотку.

Майор вдруг ахнул: автобус потерял управление, летел к подножию возвышенности – на груды камней! Каменная гряда стремительно приближалась. Завизжал кто-то из заложников – очнулись! Выдержки хватило не бить по тормозу. Баранку в сторону, и плавно на педаль – лишь позднее он сообразил, что тормозил совсем другой ногой! Автобус с грехом пополам вернулся на дорогу, склон пронесся рядом, что-то скребло по борту. Теперь Олег утопил педаль, а едва машина встала – натянул стояночный тормоз. Сзади падали, кричали, но времени что-то объяснять заложникам не было. Дверь открылась, он выпал на землю – и чуть не угодил под летящие навстречу «Жигули»! Как странно, здесь никто не отменял автомобильное движение! Водитель яростно сигналил – куда прешь, кретин?! Олег отшатнулся, прижался к автобусу. «Прославленная» отечественная легковушка помчалась дальше, а он, прихрамывая, побежал ловить последнего упыря. Ушибы и ссадины пылали жаром, голова трещала, но любое дело, раз уж взялся, надо доделать!

Единственный выживший террорист выбирался из водосточной канавы. Он был безоружен – как и майор спецназа. Беспреданно озирался, выл от страха. Наконец прыщавый вылез из канавы и кинулся прочь. Шансов уйти было мало – до ближайшего кустарника метров семьдесят. Он спотыкался, скулил. А когда Олег ускорился, чтобы сбить его с ног, сообразил, что прямого контакта не избежать, выхватил кнопочный нож, подбадривая себя хриплым матом. Он махал ножом, орал что-то страшное. На что рассчитывал? Майор протаранил его, заблокировав предплечье, отбросил, сбил с ног. Визжащее туловище покатилося по земле, из которой проклевывалась травка. Бандит ударился затылком, потерял сознание. Когда очнулся, над ним навис занесенный кулак.

– Ну что, скот, попал? – процедил майор.

– Ты кто, мать твою, откуда? – захрипел террорист, пытаясь приподняться.

– Из отряда хищных, – объяснил Олег. И мощным ударом отправил преступника в глубокий сон. Похоже, перестарался, судя по неприятному лопающемуся звуку. Но ничего, для лицезрения камеры пожизненного заключения хватит и одного глаза. Лишать паршивца жизни он не стал – кто-то должен и языком поработать. Поднялся, глубоко вздохнул, побрел обратно на дорогу. Вроде и теплее как-то стало, ветер стих, солнце пригревало. К майору возвращалось хорошее настроение, утерянное полтора часа назад. Состояние знакомое – имеет прямое отношение к чувству выполненного долга и радости, оттого что жив. Из застрявшего посреди дороги «ПАЗа» робко высовывались первые заложники, неуверенно улыбались. Плакала женщина средних лет – бухгалтер итальянского ресторана.

– Все в порядке, граждане... – помахал им рукой Кравцов. – Выходите на дорогу, помогите тем, кто неважно себя чувствует. Скоро придут медики, всем окажут квалифицированную помощь.

Люди выходили из автобуса, его благодарили, плакали, изливали душу. Он не был настроен выслушивать их откровения. У всех свои проблемы, он не жилетка. Вдалеке уже завывали сирены «Скорой помощи». Первым из-за поворота выскочил «Ниссан-Патрол» с парнями его группы. Бойцы рвались в бой, но Олег строго-настрого запретил лезть в пекло поперек батьки и даже обозначать свое присутствие. Объявил, что все сделает сам, а лавры, так и быть, поровну. Подчиненные страховали его, отслеживали «маячок» на теле командира и слышали все, что происходило в автобусе. А когда прозвучало долгожданное ворчанье: «Ну, где вы там?» – не замедлили нарисоваться.

– Как всегда, товарищ майор, вы все сделали правильно, – сообщил с улыбкой, выбираясь из машины, капитан Чупринцев. – А мы опять должны краснеть, что командир выполнил за нас грязную работу. Балуетесь ты нас, Олег Иванович.

– Ладно, в следующий раз сами пойдете, – отозвался Олег, отыскивая в комбинезоне сигареты. Уселся на ближайший бугорок, с наслаждением вытянул ноги. – Поработайте немного, парни. Проследите, чтобы заложники не разбрелись, соберите оружие, проверьте, все ли плохиши сдохли. И этого доходягу подтащите поближе к дороге, – кивнул он на «условно» выжившего террориста. – А я отдохну малость.

– Отдыхай, командир, заслужил, – разрешил старший лейтенант Сидорчук, направляясь к заложникам. – Хотя, на мой взгляд, ты выглядишь вполне бодро. Живой, здоровый, на лице виднеется презрительная усмешка...

– Какая гадость, – сообщил молодой лейтенант Чибис, выбираясь из салона автобуса. – После вас, товарищ майор, всегда столько дерьма...

– Так весна же, – ухмыльнулся Олег, – все дерьмо наружу лезет.

Завершилось кровопролитие – подтягивались те, кто по долгу службы должен был его предотвратить. Подъехала полиция, прибыли сконфуженные представители Федеральной службы безопасности. Сверкали мигалками реанимобили. Медики занимались заложниками, приступали к работе штатные психологи от МЧС. Все это было знакомо до зубной боли.

– Ты молодец, Олег, – одобрительно пророкотал в трубку куратор группы спецназа полковник Атаманов, – держишь марку. Убиты несколько заложников, но это произошло еще до нас. За то, что взял одного живого, отдельное человеческое спасибо. Получишь благодарность от руководства управления.

– Спасибо, Егор Тимофеевич, – в том же духе отозвался Кравцов. – Ваша щедрость, как всегда, поражает. Про внеплановый символический отпуск говорить, конечно, не пристало?

– Даже не пытайся, – согласился полковник, – слишком много работы, чтобы думать о глупостях. Отдаем это дело обратно ФСБ. Они хорошо начали, вырвали змее жало, но в финале облажались. Майор Грудень переоценил свои способности... Возвращайтесь на базу, сегодня можете отдохнуть. Завтра с тобой свяжусь.

Олег отключил связь и задумался. Как-то неприятно засосало под ложечкой. Возникло странное чувство, природу которого он не мог объяснить. Вроде все кончилось, работа выполнена, но на душе вдруг заскребли кошки. Голос куратора звучал бодро, но было в нем что-то не так. Слишком бодро звучал, преувеличенно, неестественно. То ли смущался Егор Тимофеевич и чувствовал себя виноватым, то ли был расстроен и пытался это скрыть. И почему майору казалось, что это связано именно с ним? Что с ним может быть связано?

Он выкинул из головы эту дурь. Все в порядке, по-другому и быть не может.

## Глава 2

Полковник Атаманов перезвонил на следующее утро, когда Олег со своим заместителем капитаном Чупринцевым сидел в кафе при части и уминал поздний завтрак. Начинался обычный тренировочный день – кросс по весенней распутице, полоса препятствий с сюрпризом в виде незамерзающего болота. Трижды в неделю Олег гонял своих ребят до полного изнеможения, чтобы были в форме. Не сказать, что его за это сильно любили, но в сознании бойцов прочно укоренилось, что другой командир поступал бы точно так же. А с этим хоть можно договориться, поболтать, выпить – и вообще вне службы он парень свой, добрый («в мягкой обложке»), как однажды пошутил старший лейтенант Сидорчук).

– Все в порядке, майор? – с некоторой заминкой осведомился куратор. – Как идут дела?

– Находимся в ждущем режиме, Егор Тимофеевич, – отозвался Олег.

– В жрущем, – поправил Чупринцев, берясь за стакан с компотом.

– Сегодня опять спасать Родину? – пошутил Олег.

– Нет, сегодня все тихо, террористы попрытались. – И снова с голосом куратора было что-то неладно. – Надеюсь, сегодняшний день пройдет без «шоу-программ» и не придется сеять хаос и разрушения. Ты сможешь подъехать в управление через пару часов?

– Могу, Егор Тимофеевич, – пожал плечами Олег. – Но только учтите, что реактивные ранцы нам пока не выдают, а пробки такие, что быстрее долететь из Камчатки до Шереметьево, чем пробиться из Дивного в центр.

– И все же попробуй. Я жду тебя в своем кабинете через два часа. Ну, хорошо... через три.

Настроение падало, как цена на нефть. Откуда взялась эта желчь во рту? Заместитель смотрел на него с затаенным сочувствием, но как он мог понять, что терзает командира, если тот сам не понимал? Происходило ли что-то вообще?

Полтора часа спустя служебный «Ниссан-Патрол» уже пробивался по Волоколамскому шоссе через Красногорск. Москва встречала промозглой слякотью, вполне характерной в этом году для столичного региона. Пробки в этот день были терпимыми. За десять минут до указанного срока Олег уже поднимался на крыльцо управления. Серьезная организация, не имеющая отношения ни к ФСБ, ни к полиции, ни к вооруженным силам, располагалась в двухэтажном охраняемом особняке недалеко от Москвы-реки и небоскребов делового центра столицы.

Здание окружали тополя и забор, способный выдержать небольшой артиллерийский обстрел. В кабинете куратора на втором этаже было тихо и как-то тягостно. Дурные предчувствия усилились. Шторы были частично задернуты, сквозь просвет виднелись решетки на окнах и стена соседнего здания со строительными лесами. Полковник Атаманов – невысокий, округлый, чем-то смахивающий на Винни-Пуха, – стоял у окна, скрестив руки на груди. В кабинете помимо него присутствовал господин в штатском, светловолосый, с лицом, похожим на сливу, извлеченную из морозилки. Он сидел за столом, на рабочем месте хозяина кабинета, и с равнодушной миной перелистывал содержимое тощей папки. Поднял голову, смерил вошедшего каким-то неопределенным взглядом. «Донос настрочили?» – мелькнула мысль. Но нет, организация серьезная, на доносы не ведется. Может, нагрешил где-то? Тоже не припоминалось. Убивал лишь «плохих парней», четко следуя инструкциям и имея на это полную «лицензию».

Егор Тимофеевич оторвался от стены, подбежал, сунул руку в качестве приветствия и быстро отвел взгляд.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – скупно бросил Олег.

Куратор мазнул по нему виноватым взглядом, изобразил какой-то странный жест – мол, я-то в чем виноват? – забрался в угол, погрузился в кресло и принял отсутствующий вид. Господин за столом предпочел не протягивать руку.

– Добрый день, – поздоровался он. – Олег Иванович?

– Так точно, – отозвался Олег, догадываясь, что с воинским званием у субъекта все в порядке.

– Присаживайтесь, – кивнул субъект на противоположный край стола. Олег, поколебавшись, сел. Хорошими новостями сегодня не пахло. Может, умер кто? Но нет, на работе все живы. Вне работы – ни жены, ни детей, ни родителей. Только сестра, неизвестно где, да пара теток, разбросанных по пространству великой державы. Для сообщения трагических новостей не привлекают высших офицеров серьезных ведомств. Пересохло как-то в горле – субъект смотрел на него внимательно, с прищуром, эмоции и чувства на лице не читались.

– Давайте для начала уточним формальности, – предложил он. – Моя фамилия Вернер, зовут Игорь Алексеевич. Звание – полковник, исполняю обязанности руководителя 6-го отдела Федеральной службы противодействия террору – внутренняя безопасность и аналитика. Вы – Кравцов Олег Иванович, 82-го года рождения... Давайте восполним некоторые пробелы в анкетных данных, если не возражаете. – Вернер вооружился карандашом, приготовился писать. – Ваше место рождения, образование, профессия родителей, нынешнее место жительства?

«Не предложить ли ему прогуляться в задницу?» – подумал Олег. Этот неприятный человек только начал говорить, а уже бесил.

– Город Ачинск Красноярского края, – неохотно признался он. – Далее Красноярск, где окончил среднюю школу. Служба в армии – два года в десантных войсках. После увольнения отучился два года в Новосибирском государственном техническом университете – специализация самолетостроение, отчислился, поступил в Высшее командное училище внутренних войск, находящееся в том же городе. Окончил в 2009 году.

– И за семь лет на ниве ратных подвигов доросли до майора, – ухмыльнулся Вернер. – Понятно, Олег Иванович. Эту часть вашей биографии мы знаем. Отвечайте на вышеуказанные вопросы.

– Родители купили квартиру в Красноярске. Отец работал заместителем главного инженера управления Красноярской железной дороги, мать – специалистом центра научно-технической информации в той же организации. Оба погибли шесть лет назад в автомобильной катастрофе...

– Да, мы это знаем. Сочувствую. Ваша мать была татарка? Исповедовала ислам?

– И что с того? – насторожился Олег.

– Все в порядке, Олег Иванович, – немного смутился Вернер, – это обычные анкетные данные. Ваша мать – Роза Анваровна, в девичестве Файзулина, отец – Кравцов Иван Дмитриевич. Вы явно пошли в отца в отличие от вашей сестры...

– Послушайте, товарищ полковник, что происходит? Я чего-то не знаю о себе или о своей семье? К чему эти вопросы? Какая разница, какую религию исповедовали мои родители? Отец был православный, мать мусульманка, сын вырос атеистом, о чем крупно сожалеет. Что мне инкриминируют?

– Не надо волноваться, – нахмурился Вернер, – а также дерзить, что в вашем положении...

– В каком положении? – Олег чуть не взорвался. Гены отца преобладали – спокойствие, рассудительность, но временами проявлялась мать, и с этим приходилось бороться.

– Ваше нынешнее место жительства?

Он взял себя в руки.

– После смерти родителей мы с сестрой переехали из Красноярска в город Заславль Ярославской области. Там приобрели двухкомнатную квартиру, продав трехкомнатную в Сибири. Квартира наша с сестрой – на равных долях. Там никто не проживает. Она иногда приезжает, следит за квартирой. Я в Заславле не был несколько лет, поскольку занят на службе. Снимаю квартиру недалеко от станции метро «Мякинино» – это фактически за МКАДом, но даже там бываю редко. Проживаю в общежитии на базе спецназа в Дивном.

– Семейное положение? – Карандаш застыл над бумагой.

– Не годен, – дерзнул сосчитать Олег.

– Хм, смешно, – кивнул Вернер, сделав соответствующую пометку.

– Общаетесь с сестрой? Расскажите о ней.

– А что не так с моей сестрой? – растерялся Олег. Но Вернер с каким-то вызовом неотрывно смотрел ему в глаза:

– Когда вы в последний раз ее видели? Какой она вам показалась?

Олег задумался. Главное, спокойствие. Что он знает про собственную сестру? По крайней мере, отчасти ситуация проясняется. Дело не в нем, а в Ольге. Куда она влипла? Почему так сложилась жизнь, что уже несколько месяцев он ее не видел и не слышал? Приходила пара СМС – все в порядке, живу, работаю. В принципе так сложилось исторически – отношения с сестрой были нормальные, местами ровные, но при всем желании их нельзя было назвать близкими. Могли не общаться очень долго, потом созванивались: все в порядке? А ты? Ну и славно. У каждого своя жизнь. Сестра моложе на три года. По молодости выскочила замуж, но долго сие «гражданское состояние» не продлилось – с тихим ужасом сбежала обратно в незамужнюю жизнь. Не повезло, бывает. У Олега была подобная ситуация, до загса, слава богу, не дошло. Ольга была хорошей девушкой: иногда скрытной, немного вспыльчивой – но все равно хорошей. Невысокая, с точеной фигуркой, не меняющейся по мере взросления, большеглазая, со жгучими черными волосами. Ироничное отношение к окружающим причудливо сочеталось в ней с доверчивостью. Но душой она точно не была. Окончила что-то связанное с бизнесом, устроилась на работу в хорошую столичную фирму, сняла квартиру недалеко от работы на Бутырской улице (Олег пару раз туда приезжал). Хвасталась, что скоро купит машину, что у нее прекрасная работа, отличный коллектив. Только уставала сильно – ни выходных, ни проходных. Но парень имелся – Олег однажды прибыл на «смотрины», одобрил. Нормальный парень, тоже из Сибири. Потом все пошло не так. «Крым наш», падение цен на нефть, и все вытекающие прелести. С работой проблемы, с личной жизнью все кувырком. Но не унывала, звонила иногда, смеялась: парень новый, работа новая, все на ступень ниже, но кому сейчас легко? Главное, чтобы в душе был покой...

– Давно не виделись, – проворчал он. – Что происходит, товарищ полковник?

– Нам очень жаль, Олег Иванович, – вкрадчиво произнес Вернер, – но вам придется подать рапорт об увольнении. Лучше всего, чтобы вы это сделали сами – постараемся избежать прямого приказа об увольнении, чтобы не портить вам дальнейшую жизнь...

– Минуточку... – Олег почувствовал, как онемели скулы. – Как-то туповат я сегодня на голову... Вроде есть еще время до первого апреля... Не хотите повторить то, что вы сейчас сказали?

Полковник терпеливо повторил. Прозвучало как раньше, хотя все равно дико. За что?!

– Вы получите неплохое выходное пособие – думаю, тысяч триста, – добавил Вернер. – С выслугой и пенсией будет туговато, вы еще не отслужили достаточное количество лет, но, думаю, вопрос со льготами при устройстве на другую работу мы решим...

– Вы что, охренели там все? – Он не хотел, но вырвалось. Сжались кулаки, и это тоже не укрылось от внимания Вернера.

– Прошу взять себя в руки, Олег Иванович, – укоризненно покачал он головой, – не стоит совершать идеологически незрелые поступки, за которые вы можете обзавестись дополнитель-

ными неприятностями. Не советую оскорблять старших по званию. В один прекрасный день ваши заслуги могут вас не спасти.

– Олег, успокойся, – проворчал из угла куратор, – ты с головой вообще дружишь? Или ты с ней даже не здороваешься?

– Прошу простить, – буркнул Олег. И вдруг на него снизошло спокойствие. Какое-то оглушительное, тотальное. Он не будет себя вести как какой-то гопник. Он спокоен, как удав...

– Хорошо, будем считать, что я ничего не слышал, – кивнул Вернер. – Это не ложный донос, не фабрикация улики и не ошибка следствия. Под вас никто не копает, чтобы выжить с этой должности. Не такая уж она козырная, чтобы было много претендентов... Ваша сестра Ольга Ивановна Шперлинг, в девичестве Кравцова, уже два месяца находится в Сирии, конкретно в городе Аль-Фараджа – это крупный населенный пункт в провинции Ракка. Кто контролирует район, вы, конечно, догадываетесь. Информация достоверная, и очень странно, что вы этого не знаете. Ваша сестра познакомилась в Москве с гражданином Турции, вышла за него замуж и уехала на историческую родину супруга, где долго не задержалась. Допускаю, что она никогда не высказывала экстремистские мысли. Но как работает пропаганда «Исламского государства» и как они заманивают людей, вы обязаны знать. Они рисуют привлекательный мир, а гражданам, замученным кризисом, только того и надо. Не у всех, к сожалению, есть голова на плечах. По данным сирийской разведки, ваша сестра стала активной сторонницей радикального ислама, перешла на сторону ИГИЛ и участвует в борьбе этой запрещенной в России организации с правительственными войсками, а стало быть, и с нашей страной, воздушные силы которой помогают президенту Асаду в борьбе с терроризмом. Вверила себя, так сказать, воле Аллаха... Повторяю в третий раз: информация достоверна. Еще товарищ Сталин подметил, – криво усмехнулся он, – что сын за отца не ответчик, равно как и брат за сестру. Мы не можем вас официально уволить по этой причине. Но есть внутренние циркуляры, согласно которым ваша дальнейшая служба в нашей структуре решительно невозможна. Вы это сами прекрасно понимаете. Мне жаль, но и в другие силовые структуры вам дорога заказана. – Вернер поднялся, закрыл папку. В принципе он сочувствовал. Но Олег плевать хотел на его сочувствие! – Это все, что я хотел вам сообщить, Олег Иванович. Надеюсь, с вашей сестрой все будет в порядке. И с вами тоже.

– Подождите, – пробормотал Олег, – это что же получается? Моя сестра... шахидка?

– Ну почему же, – пожал плечами Вернер, берясь за дверную ручку, – совсем необязательно. Не все женщины, воюющие с оружием в руках на стороне ИГИЛ, шахидки. Она же не вдова мученика за веру? А так называемый муж, гражданин Турции, в данный момент, держу пари, уже давно забыл о ее существовании и обрабатывает другую доверчивую особу. А то и нескольких одновременно, гм... Прошу прощения, Олег Иванович, всего вам доброго.

Вернер вышел из кабинета, плотно прикрыв дверь. В ушах звенело, майор Кравцов был потрясен, раздавлен. Изгнание из рядов – полная катастрофа! Казалось бы, куда хуже. Ан нет. Вторая новость, про сестру, – та самая соломинка, переломившая спину верблюда! Он сидел за столом, вконец опустошенный, убитый. Состояние сродни тому, когда ему сообщили о гибели родителей в страшной автокатастрофе. Поднялся с кресла куратор, вкрадчивой походкой обошел вокруг стола, кашлянул:

– Прости, Олег, я все понимаю... Но пойми, это правила ведомства, мы не можем их игнорировать. Тебе придется написать рапорт...

– Ошибка исключена? – Олег поднял пустые глаза. – Это чушь, Ольга не могла пойти на такое, она же не полная дура...

– Ошибка исключена, – удрученно проговорил полковник Атаманов. – Неужели ты думаешь, что я бы доверился каким-то словам? Факты проверялись и перепроверялись. Работала разведка, работали агенты в рядах боевиков. Имеются фотографии, имеется информация о перемещениях фигурантов. Твою сестру теперь зовут Заида, в Аль-Фарадже что-то вроде жен-

ского подразделения, их тренируют, натаскивают психологически – думаю, над девушками трудятся профессионалы внушения. Хотя вряд ли она уже принимала участие в боевых или карательных операциях. Твою сестру совратили... гм, обратили в радикальное магометанство, и это в общем-то странно, если раньше ничего такого не было... Вспомни, может, замечал что-нибудь настораживающее в ее поведении? Необычные взгляды, вздорные суждения об окружающем мире...

– Да нет же! – чуть не взорвался Олег. – Простите, Егор Тимофеевич... Обыкновенная женщина. Я сожалею, что так редко с ней общался. Но кто же знал? Да, наша мама знакомила ее с Кораном – она была еще девчонкой, но это часть национальной традиции, я никогда не замечал в ней какой-то набожности, тем более одержимости. Это просто бред... Лично меня ни Коран, ни Библия в детстве не заводили, я больше увлекался дзюдо и боксом... Что случилось с ней? Когда она уехала из России?

– Примерно два месяца назад. В феврале ее уже видели в Аль-Фарадже одетой в «военно-низированный» хиджаб и с автоматом Калашникова.

– Вот дьявол... – ругнулся майор. – В январе от нее было несколько эсэмэсок – дескать, все в порядке, нахожусь в Москве, жизнь налаживается. Да и позднее были!

– Уже из Сирии, – вздохнул куратор. – Возможно, не хотела раньше времени гнать волну. Или действовала по указке наставников. В районе Нового года она познакомилась с неким турецким бизнесменом по имени Таркан Эльмаз. Торговля с Турцией, по причине сбитого бомбардировщика, идет неважно, но какие-то контакты и сделки осуществляются. Этот парень представлял организацию, экспортирующую в Россию турецкий текстиль. Документы имел легальные, фирма работала. Никто за ним специально не следил. Ищеек не хватит таскаться за каждым иностранцем. Заморочил девчонке голову, влюбил в себя. Возможно, она и не знала, что едет в Сирию. Думала, приедет в Турцию, в роскошный особняк у ласкового моря... Прости, майор.

– И что же делать? – голос Кравцова дрогнул. Он основательно расклеился. Пока не удалось взять себя в руки.

– Только не пороть горячку, Олег. Лично ты ничего сейчас сделать не сможешь, а увольняться придется. Будем надеяться, что временно. Поживи в своей квартире в Заславле, отдохни, почувствуй вкус гражданской жизни. Не все так плохо, как ты думаешь. В Сирии наши войска – пусть и вывели часть контингента, все равно их много. Хорошо работает разведка Асада – в контакте с нашим спецназом. Имеются агенты в бандформированиях, даже в руководстве бандгрупп. Мы посмотрим, что можно сделать. Похитили твою сестрицу раз – похитим и в другой. Главное, не паниковать и не впадать в депрессию. Все решаемо, если за дело берутся специалисты. Можешь звонить мне в любое время... но лучше все же вечером, после работы. – Куратор смущенно кашлянул: – Прости, майор, я действительно бессилен. Все очень серьезно...

## Глава 3

Он не верил, что все решится и история с Ольгой порастет забвением. Олег прекрасно знал, что такое «Исламское государство» и с чем его едят. Самая зловещая террористическая организация, имеющая беспрецедентные возможности и щупальца по всему миру. Нечеловеческая жестокость, массовые убийства невинных людей в Ираке и Сирии, массированная пропаганда, установление дичайших порядков на захваченных территориях, имеющих мало общего с «классическими» нормами шариата. Как его Ольга угодила в мясорубку? Почему такая дура?! Обозлилась на что-то, разуверилась в нормальной жизни? Почему не посоветовалась с братом, которого трудно упрекнуть в отсутствии здравомыслия?

Состояние было отвратительным. Конец марта в столичном регионе выдался серым, промозглым. Заметно похолодало. Вопреки бодрым заверениям синоптиков ночью подмораживало, днем моросил холодный дождь. Все было мрачно, бесцветно. Майор Кравцов сидел в электричке у окна, сунув руки в карманы куртки, смотрел на проплывающие мусорно-бетонные пейзажи. За окном мелькала Ярославская область – ехать приходилось с пересадкой. Личной машиной не обзавелся – не было времени. Под ногами обреталась спортивная сумка, набитая одеждой, – весь нехитрый скарб. Его глаза были полуприкрыты, мысли уносили в далекие дали. За два прошедших дня он немного успокоился, но тревожно-подавленное состояние осталось. Он жадно впитывал все новости по Сирии – из радио, из мобильного Интернета. В маленькой стране воевали все со всеми. Все смешалось в знойной арабской пустыне. Террористы, правительственные войска, умеренная оппозиция, «неумеренная», курды, туркоманы, ополченцы, бедуины, турецкие военные, какая-то призрачная западная коалиция. И над всем этим веяла российская авиация, денно и нощно нанося удары. Слово «Аль-Фараджа» ни разу не звучало, город находился под контролем исламистов. Сто с лишним километров от северной границы, где-то между Алеппо и Эль-Раккой, к северу от водохранилища Эль-Асад. Двести тысяч населения (согласно довоенным данным), в городе мирно уживались курды, арабы-сунниты, арабы-шииты. Кто сейчас остался?

Олег гнал от себя эти мысли, но они настырно возвращались. Вагон электрички был полупустой, граждане дремали, общались, читали, кто-то отрешенно созерцал пространство. В отсеке через проход субъект неприятной наружности разводил на знакомство скромную женщину «второй молодости». Она сидела с приклеенной улыбкой, на помощь не звала, а этот тип ей что-то втирал, подпирал бедром, блистал кариозными зубами. Олег умирал желание встать и сделать из него отбивную. Это было что-то странное. Тип не выходил за грани приличий, он мог оказаться нормальным человеком, но с майором Кравцовым происходило что-то пугающее – злобная агрессия разъедала душу. Поднималась с ее дна какая-то грязь, просыпались темные начала... Но он не позволит этой грязи выйти наружу. Он сохранит лицо, останется человеком. У всех в подсознании дремлют темные начала. У кого-то спят беспробудным сном, у кого-то просыпаются. Могут не проснуться, если не создать условия. Пойди история другим путем, не сложились звезды в определенную конфигурацию, и ценители в XX веке любовались бы картинами некоего Адольфа Гитлера (или Шикльгрубера, бес его знает) – прилично ведь рисовал, паршивец! И никто бы не узнал о другой сущности этого человека. Может быть, и Эйнштейн не стал бы великим физиком-теоретиком, а жил бы эксцентричным чудачком, унаследовав папашин бизнес – заводик по производству перьевой набивки для матрасов. И Зигмунд Фрейд не пошел бы в родоначальники психоанализа, а стал бы сексуальным маньяком, развлекающим свои жертвы заунывными разговорами о природе низменных начал. И папа римский не стал бы Папой, не вступил бы в орден иезуитов по младости лет (что и вызвало цепь событий, завершившихся папским престолом), а трудился бы по полученной специальности химика-технолога, нашел бы высокооплачиваемую работу в «престижном» аргентинском наркокартеле...

Мысли сбивались под тряску вагона. Олег кутался в воротник куртки, приобретенной в торговом центре на окраине столицы. Там он полностью переделся, сменил имидж. «Вы видный мужчина, – с печалью отметила продавщица,носящая ему одежду в кабинку для переодевания. – Завидую женщине, которая рядом с вами». Не было с ним никакой женщины. Временами мелькали, бывало, что и спали в одной постели, но не задерживались. «Текучка», как на заводе. Не сказать, что майор Кравцов был слишком привередлив в вопросах пола, но кое-какой толк в этих вещах знал. Имелся «индикатор», которым он проверял всех смазливых особ, оказавшихся у него в постели. Просыпался первым, лежал, анализируя ощущения: хочет ли он проснуться с этой особой завтра, послезавтра? Нет ли позыва разбудить, извиниться, сославшись на срочную работу, выставить за дверь без завтрака и надежды на новую встречу? Как правило, немногие проходили испытания, а те, что вызывали симпатию, все равно испарялись – видимо, и у них имелась «лакмусовая бумажка» для проверки мужчин...

Гражданская жизнь неумолимо стучалась в ворота. Все в ней было не так – она не подчинялась распорядку, ее трудно было предугадать. Он чувствовал себя каким-то социально незащищенным. Хотя деньги в принципе имелись. На счету за годы службы скопилось два миллиона. Проценты капали, инфляция над ними потрудились, но сильно не обгрызла. На собственные нужды он тратил немного. При увольнении бухгалтерия выдала триста тысяч и как-то виновато поинтересовалась: вам наличными, на счет или, может быть, в валюте? Бойцов из группы потрясло известие: не шутка ли это? «Командир, ты нас разыгрываешь, – с ужасом бормотал старший лейтенант Колодун. – Ты же лучший, они не могут просто так выбросить человека!» «И как мы без тебя? – печалился Сидорчук. – Будешь кайфовать на гражданке, а нам пришлют вместо тебя какого-нибудь солдафона, вот тогда и взвоем». «Командир, ты не расстраивайся, это временные трудности, – убеждал его капитан Чупринцев. – Ты же ни в чем не виноват! Ну, подсуеются наши спецслужбы, забросят за девчонкой пару десятков спецназовцев... У меня приятель оттуда пишет, что войска Асада переходят в наступление, скоро будут брать Эль-Ракку. Пальмиру уже взяли...»

Он уходил из части полностью подавленный, ноги еле шли, тянули обратно. Вызвал такси к КПП, залез в него, едва сдерживая слезы, а парни стояли на обочине и махали ему, как девчонки платочками. Вечером в тот же день напился до дури в пивбаре на Большой Ордынке. Компанию составил куратор Атаманов. Оба сидели мрачные в дальнем углу, полковник пытался его разговорить, убеждал, что ничего непоправимого не случилось. А если все затянется... ну что ж, и на гражданке живут люди, брменная жизнь на этом не заканчивается. А майор Кравцов всегда останется в памяти личного состава элитного подразделения, способного выполнить любую, даже невозможную задачу. Для начала он заказал пиво. «Давай уж без алкогольных прелюдий, – поморщился полковник, – не русские люди, что ли?» – и под столом, украдкой косясь на официантов, как в старые добрые советские времена, разлил по кружкам водку. Пили сурово, закусывая гренками из ржаного хлеба, которые подавали по цене королевских креветок. Пиво поверх водки разило, как крупнокалиберный пулемет. Олег пытался достучаться до куратора, выведать информацию об Ольге, но ничего не добился: Егор Тимофеевич либо молчал, как партизан, либо выдавал то, что Олег и так знал. «Все будет в порядке, майор, перестань нудеть, – бормотал полковник. – Считай, что тебе предоставили внеочередной отпуск. Все образуется, помни, что ты незаменимый... – Он сам не верил своим словам. Был пьян, но это не мешало испытывать смущение и по ряду важных вопросов держать язык за зубами. – Ты, главное, не пропадай, майор, я буду держать тебя в курсе. Только не делай глупостей, договорились? Насладись «гражданкой», она, ей-богу, неплоха. Ну, что сидишь, глаза закатываешь? Наливай, мы еще не добрались до нужной кондиции...»

Олег смутно помнил, как официанты выводили их из заведения. Полковник предлагал поехать к нему, познакомить с женой – а то как же, вместе работали, а с супругой не познакомил. Там и переночуешь. Олег отказывался – у него есть съемная квартира в Москве, дотянет

на бреющем... Дальше пошли провалы. Таксист, которому он впаривал какие-то умные фразы, компания в темном дворе: у ребят были проблемы и он пытался прочесть им лекцию о правилах поведения в полуночных подворотнях. Как оказался на квартире, история умалчивала, но большой прогресс, что проснулся на диване, а не на полке в морге. Голова трещала, по макушке расплывалась непрошенная шишка. Он плохо помнил ее генезис, но умная голова явно проиграла в споре с тупым предметом. Его высказывания не оставили кого-то равнодушным. Ну, здравствуй, алкогольное прошлое... «Наслаждение» гражданской жизнью началось с похмельного синдрома, звериной тоски и полного незнания, что делать дальше. «Только не пить, – приказал он себе. – Срочно уезжай из этого болота под названием Москва. В Заславль! Там квартира, там можно наладить жизнь и даже устроиться на работу!» Олег убитой сомнамбулой шатался по съемной квартире, лез на стены. В итоге отыскал в лотке в холодильнике початую бутылку водки (память не сообщала, откуда она взялась, но водка всегда появляется вовремя), придвинул к себе зеркало, начал пить, чокаясь с отражением – какой ни есть, а собутыльник...

На следующий день поднялся с терпимым похмельем, начал заниматься делами. Стирка, глажка, личная гигиена. Позвонил хозяйке, сообщил, что разрывает договор об аренде (компенсация за месяц – на комод). Поход в торговый центр за новым имиджем – хотя и старый в общем-то устраивал...

– Куколка, да ты совсем заскучала! – донесся сквозь перестук колес голос ухажера с кариозными зубами. – Сейчас Заславль, пойдем на бульвар, поскучаем вместе!

Желание поправить физиономию гражданину как-то растаяло. Большой прогресс. Олег взял свою сумку, потащился к выходу, искоса глянув на «жертву домогательств». Очень странно – пристававшему мужику удалось выжать из нее улыбку – и она ее тщательно прятала. Это самое главное! Мужик радовался, как ребенок, заливался соловьем и уже не казался таким противным. Может, все сложится у них...

Он брел по перрону, забросив сумку за плечо. Накапывал дождик. Провинция встречала ветром и плотной облачностью. Если так пойдет, то вместо лета снова наступит зима, рассудил Олег и повернул к киоску в форме стакана – в нем торговали кофе навынос. Городок Заславль оставался дремучим периферийным болотом. Он доверил сестре самой подобрать жилье – в итоге подобрала именно то, что подобрала. То ли денег не хватило на что-то приличное, или обманули на одном из этапов сложной сделки. В Красноярске было комфортнее и «столичнее». В этом городе с населением 70 тысяч Олег чувствовал себя чужеродным телом. Трижды приезжал сюда за шесть лет и всякий раз торопился обратно.

Проехав в маршрутке несколько остановок от вокзала, он вышел на улице Красина, долго шел мимо одинаковых облупленных пятиэтажек. Нужная располагалась в конце улицы: с одной стороны ее подпирал супермаркет, с другой – городской сквер, за которым никто не ухаживал. «Отлично, – мрачно думал Олег, – все блага цивилизации под боком». Домофон в подъезде отсутствовал, и дверь была ветхая. Он поднимался на третий этаж, как на Голгофу, – мимо стальных дверей, окурков, раздавленных шприцев. Впрочем, в квартире все оказалось не так уж плохо, если не видеть пыль, старую мебель. Имелись свет, вода, остатки отопления. Две просторные комнаты, кухня, совмещенный санузел. Нужно делать ремонт, причем капитальный. Ольга долго здесь не жила – как только устроилась в приличную фирму, переехала в столицу и в Заславле бывала наездами. Он бродил по комнатам, вдыхая запах пыли, с тоской смотрел на Ольгины вещи, которые она не посчитала нужным забирать в Москву. Постоял у раскрытого шкафа, где висели старые тряпки. На кухне обнаружил пепельницу с «древними» окурками – ее задвинули за высохший фикус в угол подоконника. Задумался над этим явлением. Ольга не курила, и что бы это значило? Приводила мужиков? Но когда? Он решил не забивать себе голову, направился к холодильнику и, открыв дверцу, брезгливо отшатнулся от содержимого – м-да уж...

Остаток дня Олег что-то чистил, мыл, скреб. Дважды прогулялся до мусорных контейнеров с набитыми мешками. К концу дня сообразил, что во рту не было ни капли и ни крошки, собрался в магазин. Слишком резко распахнул дверь – женщина, спускавшаяся с верхнего этажа, отпрыгнула, как кошка! Молодая, не больше тридцати, невысокая, худенькая, одетая в синее пальто и трогательный беретик. Она жалобно сказала «О, господи!» – и приложила руку к сердцу. Из-под берета выбивались пепельные кудряшки.

– Ради бога, простите! – взмолился Олег. – Это профессиональная деформация. Больше не повторится. Вы просто попались... под ногу.

Она глубоко вздохнула, поправила сбившийся берет. Женщина казалась уставшей, но глаза у нее были красивые, и на щеке отчетливо выделялась ямочка.

– Ладно, все в порядке... А что значит профессиональная деформация? Вы работаете в коллекторском агентстве и часто приходится выбивать двери ногой?

– Не совсем, – улыбнулся Олег. – Моя работа до текущей недели, в отличие от работы коллекторов, приносила пользу обществу. Иногда она требовала тупой физической силы. Еще раз извините.

– Мы, кажется, смутно знакомы. – Женщина наморщила лоб и воскликнула: – Ну, точно, вы купили эту квартиру несколько лет назад, переехали сюда, но почти не жили здесь. Вы – брат той смуглой симпатичной девушки, что проживала здесь несколько месяцев, а потом уехала в Москву. Мы несколько раз болтали с ней во дворе – так, ни о чем. Ее звали, кажется, Ольга. А вас... – Морщинки на лбу усугубились, память работала, но не справлялась.

– Олег, – подсказал Кравцов.

– Вот именно, – кивнула она. – Как видите, у меня хорошая, местами щербатая память. Я – Елизавета, Лиза Шубина, живу над вами. Вот в магазин собралась...

– Я тоже вас помню, – сказал Олег. – Вы ходили под руку с мужем – высоким, видным парнем. Вы были не разлей вода, и я ему страшно завидовал – белой, разумеется, завистью.

– Вы льстец и обманщик, – немного натянуто улыбнулась Лиза. – И чем мы обязаны, Олег, вашему появлению в нашем умирающем городе? Хотите с сестрой продать эту квартиру?

– Посмотрим, – уклончиво ответил Олег. – Пока проживу, осмотрюсь, подумаю...

– Понятно. Ну хорошо, я, пожалуй, пойду. Продукты кончились в доме. Вы тоже куда-то собрались?

– Черт, телефон забыл... – хлопнул он себя по карману, шагнул обратно в квартиру – щеки заалели. – Я попозже пойду, найду этот клятый аппарат, а то жду важного звонка...

– Все ясно, Олег, удачи! – Лиза опять приятно улыбнулась и отправилась вниз.

– И вам удачи, Лиза. Привет мужу!

– Хорошо, передам. – Она уже дошла до площадки между этажами, громко зацокали каблучки. – Только сразу не получится, Олег. Может быть, лет через сорок, если повезет... Толика убили три года назад на рыбалке – подошли хулиганы, в общем, слово за слово... А я была беременна, когда узнала, что-то случилось в организме, в общем, ребеночек родился мертвым... Вот так. Повторно замуж как-то не собралась.

– Господи, простите... – взмолился он. – Мне очень жаль. Ну откуда я мог об этом знать?

– Разумеется, – кивнула Лиза, и каблучки опять застучали по лестнице.

Он чувствовал себя чудовищно неловко. Шатался по квартире в ботинках и верхней одежде, чего-то ждал. Потом спустился вниз, вышел из подъезда и собрался перебежать дорогу к супермаркету, но неожиданно передумал, двинулся в противоположную сторону – к соседней пятиэтажке. Там находилась остановка общественного транспорта. Он сел под навесом, курил, пропустил пару «пазиков» с пассажирами. Когда соседка Лиза вышла из магазина, Олег успел расстаться с тремя сигаретами и подружился с бродячей собакой. Она уселась рядом – вислоухая, ободранная, косила на него вопрошающим взглядом, делала вид, что не обращает

на него внимания. А ему абсолютно нечем было ее покормить. Лиза с тяжелым пакетом вышла наконец из супермаркета, перешла через дорогу и скрылась в доме.

– Пойдем, братишка, – потрепал за шиворот пса Олег. – Подождешь меня на улице, куплю тебе пожрать.

Пес все понял, засеменил за ним, помахивая куцым хвостом. Уселся возле крыльца, зевнул. Ассортимент в супермаркете был средненький. Олег бродил между полками, бросал в тележку все, что выглядело съедобным. Посетителей в торговом зале практически не было. Он набрал почти полную тележку – не ходить же каждый день за покупками. С задумчивым видом остановился у винного отдела, поколебался, зашел. Снова глубоко задумался. Ничем иным его депрессия не лечилась. Было стыдно, но он не отказал себе в удовольствии: воровато озираясь, бросил поверх покупок бутылку текилы. Продавщица на кассе посмотрела на него с уважением: в тот ли город заехал этот видный господин?

– Спасибо, мужчина, – с чувством поблагодарила она. – Вы нам сегодня план сделали. Талончики на покупку ложечек брать будете?

Олег засмеялся. Волоча пакеты, вышел из магазина. Где бы взять третью руку, чтобы закурить?

– Держи, приятель! – Он пристроил пакеты под ноги и достал длинную связку сосисок. – Не бог весть какое мясо, но, думаю, ты оценишь.

Пес подпрыгнул, благодарно глянул на мужчину и потащил добычу за угол. Есть в присутствии посторонних ему, очевидно, мешала природная скромность.

– Э, приятель... – Олег с сарказмом смотрел ему вслед. – Никакой ты, оказывается, не приятель, а приятельница...

Он снова что-то тер, выметал из углов, возил мокрой тряпкой по полу, испытывая смутное подозрение, что делает это напрасно – только перемещает грязь. Телевизор почти не показывал. Из свежих новостей Олег уловил лишь одну: Украина ликует, скоро в стране разрешат однополые браки. Достигнута главная цель революции. Он снова плавал между сном и явью, двигал мебель, потом возвращал обратно. Приложился к текиле – и поехало. Главное, никуда не выходить, мелькнуло в голове. И вроде не выходил. По привычке лазил на стенки, выходил на балкон и выл на полную луну. Для чего он пил? – ответа не было. Пошатываясь, блуждал по квартире, перебирал вещи сестры, пытался отыскать какие-то подсказки ее диковатому поступку. Перелистывал книги, просматривал на пыльном DVD какие-то древние исцарапанные диски. Ольга не оставила никаких зацепок.

Олег уснул на неразобранном диване, хотя в соседней комнате имелась вполне сносная постель. А утром подлетел от звонка в дверь! Немедленно, первым же делом поменять этот оглушительный звонок! Он брел к двери, как ежик по туману, окутывая пространство дурманом мексиканских сивушных масел. Чуть не сбился с курса, перепутав входную дверь с кладовкой, насилу справился с замком.

– Господи, какие заливные луга... – укоризненно покачала головой соседка Лиза, отступая от порога. Она была, как и вчера, в изящном демисезонном пальто, на плече висела дамская сумочка. – Олег, разве так можно?

– Я знаю, – прохрипел Кравцов. – Алкоголь разрушительно воздействует на мой организм... Доброе утро, Елизавета... не знаю, как вас по батюшке...

– Алексеевна, – робко улыбнулась она. – Извините, что заглянула... С вами все в порядке? Вы вчера весь вечер что-то двигали, разговаривали сами с собой, кого-то ругали, потом у вас что-то упало, потом вы пели песню, не попадая ни в одну ноту...

– Серьезно? – удивился Олег. – А что я пел?

– Сейчас вспомню... – Елизавета уже знакомым образом сморщила лоб. – Примерно так: «...а по данным разведки полка/ у Аллаха не дрогнет рука,/ но Христос обещал, что пока наша

песня не спета...» Знаете, мне понравилось, красивая песня. Кажется, я догадываюсь, с чем связана ваша работа, насыщенная энергичными физическими упражнениями.

– Простите, мне очень стыдно, – стушевался Олег. – На моей памяти... вернее, на моем беспамятстве, это случается со мной второй или третий раз... Больше я ничего не отмочил?

– Вы скребли по потолку, – улыбнулась Лиза, – и это было, признаться, страшновато. Скажите честно, вы пытались передвинуть люстру?

– Не помню, – признался Олег. – Клянусь, не повторится! Это не в моих правилах. А который час?

– Скоро десять.

– Вы не на работе?

– Сегодня суббота. Я – врач-терапевт, работаю в детской больнице, по субботам трудится только дежурный персонал. Хочу пройтись до центрального универмага... Ну, удачи вам, Олег, я просто убедилась, что с вами все в порядке. Постарайтесь справиться со своими неприятностями, хорошо? И не надо больше пить, договорились? Скажу вам по секрету как врач – с горя пить бесполезно. Не поможет. Только хуже станет. А с учетом похмелья – полная безнадега. Выпить можно с радости – но только немного и не в одиночку. Всего вам доброго, удачного дня!

– Не хотите зайти? – само собой вырвалось у него.

Лиза внимательно посмотрела ему в глаза. Она колебалась, не знала, что ответить.

– Впрочем, что я говорю? – ужаснулся Олег. – В этом доме ужасный беспорядок... Я пытаюсь справиться с ним второй день, но он только разрастается, принимает масштабы все-ленской энтропии...

Запоздало дошло, что стоит перед дверью по пояс голый, в старых шлепанцах, «просящих каши», в трико с вздутыми коленками, весь взъерошенный, опухший.

– Я понимаю, – внезапно засмеялась Лиза, – вам нужен человек, способный привести квартиру в божеский вид. Знаете, я согласна вам помочь. Торговый центр не убежит. В этом доме осталась одежда вашей сестры? Я готова поработать служанкой, но должна переодеться.

Он смущался, что-то бормотал, помогая ей снять пальто. И она смущалась. Но обоим было приятно.

– Вам нужен капитальный ремонт, – осмотрев обстановку, заявила Лиза. Она неплохо смотрелась в старых Ольгиных трико. – Эта мебель принадлежала еще пенсионерам, смерть которых вынудила их сына продать квартиру. Вам нужно купить новую мебель.

– Не нужно, – отмахнулся Олег, – буду донашивать.

– Понятно, вы мебель не покупаете – вы ее наследуете. Мне кажется, вы не собираетесь здесь задерживаться. Все правильно, – вздохнула Лиза, – это город неудачников, здесь живут только те, кому не повезло в жизни. Здесь нет приличной работы, нет нормальных магазинов, не ведется современное строительство. Недалеко Москва, рядом Ярославль, а здесь – безвременье, мертвая зона, жизнь застыла и никуда не движется...

– Зато природа красивая, – заметил Олег.

– Не особенно, – возразила Лиза. – Болота, осиновые леса. В окрестностях Заславля даже не строят приличных коттеджей. Город важен железнодорожной станцией, цементным заводом и фабрикой по производству красителей. Дыра, одним словом. И зачем вы купили здесь квартиру? Впрочем, это ваше дело. Ладно, Олег, не мешайте, буду разгребать ваши конюшни. Мужчины в этих делах бессильны.

Он ушел на кухню, чтобы ее не смущать, взялся за приготовление позднего завтрака, а потом позвал Лизу. Она засмеялась, обнаружив сервированный стол – этот странный мужчина не настолько безнадежен, как кажется. Работать в клининговой компании он не сможет, но в предприятии общественного питания может преуспеть. Омлет с беконом источал соблаз-

нительный аромат. На плите варился кофе. Он уже не выглядел таким похмельным, как час назад, – аккуратно одет, побрит, источал улыбки, остроумие.

– Вы хорошо готовите, Олег, спасибо. Давайте обойдемся без спиртного, хорошо?

– Договорились, – кивнул он. – Это вообще не мое. За последние четыре дня выполнил свою годовую норму.

– Расскажите когда-нибудь, кто вы такой и где работаете? – спросила Лиза.

– Когда-нибудь расскажу. Но это грустная тема, она сегодня не к месту.

– Отлично, – кивнула Лиза. – Тем более я еще не разгребла ваши авгиевы конюшни и не вымыла балкон. Простите, Олег, – виновато мазнув его взглядом, посмотрела она на часы, – но боюсь, вторую фазу уборки придется перенести на завтра. У меня еще кот не кормленный, а после обеда обещала съездить к маме. Она на пенсии, живет одна на другом конце города. Я езжу к ней по субботам.

– Жалко, – огорчился Олег. – Конечно, Лиза, занимайтесь своими делами. Я сам попытаюсь что-нибудь сделать – должен привыкать к этим вещам. Будь у меня машина, я бы вас отвез до вашей мамы...

– Так купите, – пожала плечами Лиза.

– Хорошая мысль, – улыбнулся Олег, – обязательно ее обдумаю. Как и идею устроиться на какую-нибудь работу. Знаете, Лиза, давайте до вечера закончим свои дела, а потом погуляем по парку? Здесь под боком есть сквер, в котором я ни разу не был. Не пропадать же такому добру?

– Предложение принимается, – засмеялась она. – Такое добро действительно не должно пропадать. Но гулять в этом сквере нужно очень осторожно. Желательно не углубляться далеко. Горожане не любят там гулять, предпочитают это делать только на аллеях, примыкающих к жилым домам. В сквере можно встретить хулиганов – особенно в темное время суток. Несколько лет назад в нем обнаружили самого настоящего сексуального маньяка. Он нападал на женщин, которые заходили слишком далеко. Трех успел изнасиловать, одну придушил, но ее спасли. Полиция устроила засаду, маньяка поймали, им оказался слесарь ЖКО – приличный на вид человек, образцовый семьянин... Подобных нападений больше не было, но осадок у населения, как понимаете, остался...

– Я защищу вас от маньяка, – решительно заверил Олег.

– Хорошо, Олег, – кивнула Лиза, внимательно глядя на него. – Будем надеяться, что это так. Я пойду? Кот заждался. Вы не представляете, какое это эгоистичное чудовище. Иногда я не могу понять, кто у кого живет – кот у меня или я у кота. – Она снова засмеялась, сверкнув белоснежными зубами и добавила: – Не скучайте, хорошо?

Он проводил ее, помог надеть пальто. Закрыл дверь и стал прислушиваться к своим ощущениям. Странное дело – отношение к жизни начинало меняться. Квартира уже не казалась убитой, городок – безнадежным. Жизнь еще не вспыхнула радужными красками, но что-то сдвинулось с мертвой точки, поехало. Может, не все так плохо?

Несколько часов Олег занимался уборкой. Подклеивал отвалившиеся обои, отдирал ржавчину от водопроводных труб. Сделал несколько ходок до мусорных контейнеров. Все вещи сестры – от книг до одежды с обувью – сложил в шкаф, выделив им особое место. За стенкой у соседей включилась дрель – залилась пронзительной «соловьиной» трелью. Какое-то время он терпел, но сосед явно этим злоупотреблял, пришлось постучать по батарее. Перфоратор взвыл еще несколько раз и заткнулся. В вещах сестры имелось постельное белье – еще в упаковке. Видимо, купила, а воспользоваться не успела. Испытывая странные чувства, он заправил им постель, вставил наволочки в подушки, сверху аккуратно застелил покрывало. Стало как-то не по себе. Он сделал несколько кругов вокруг кровати, сдернул покрывало, все вернул, как было. А постельное белье, чертыхаясь, запихнул обратно в упаковку. Раскатал губу! С чего ты взял, что тебе что-то обломится?

Вечерняя прогулка не затянулась. Они бродили по аллеям среди голых деревьев, болтали о какой-то чепухе. Лиза прекрасно смотрелась – вздернутый носик, смеющиеся глаза, подкрасилась, сменила сапожки. Им было хорошо, а когда она взяла его под руку, по телу побежало подозрительное тепло. Она же быстро замерзла – он чувствовал, как дрожит ее рука. Настоящая весна еще не наступила. Осадки в этот вечер сделали им поблажку, но с приходом сумерек усилился ветер, забирался за воротник, превращал человеческую кожу в гусиную.

– Господи, вы совсем замерзли! – ужаснулся Олег, обнаружив, что у девушки посинели губы. – И при этом молчите, ничего не говорите.

– Держусь, – засмеялась Лиза. – До последнего держусь...

– Пойдемте ко мне, напою вас чаем?

– Давайте ко мне? Познакомьтесь с моим котом, с моей квартирой. Она такая же, как ваша, но в ней, как бы это выразиться... – Она задумалась, не желая ранить его чувства.

– В ней нет такого живописного бардака, как у меня, – подсказал Олег. – Хорошо, Лиза, идем знакомиться с вашим котом.

Кот оказался роскошным, повышенной пушистости, рыжий, с белыми пятнами, обладал гордым именем Гоша и совершенно невыносимым характером. Здесь было его царство, и любые попытки на него покуситься могли закончиться кровью. В квартире было тихо, уютно, мужчина с женщиной пили чай (к которому подавались домашние и явно недавно испеченные булочки), а кот ходил вокруг них кругами, фыркал, забирался под стол, кусал Олега за пятки. Лиза гнала его, умоляла оставить гостя в покое, в итоге пришлось запереть животное в туалете, где оно немедленно устроило грандиозный концерт.

– Простите его, пожалуйста. Он не всегда такой. Надеюсь, Гоша к вам привыкнет и станет соблюдать приличия. Он вообще-то очень добрый... где-то в глубине души.

Все произошло само – естественно и непринужденно. Лиза мыла посуду, он подошел, чтобы убрать в раковину чашку. Она повернулась, их глаза оказались совсем рядом. Лиза прерывисто задышала, как-то обмякла, еще успела пошутить – мол, у мужчин одно на уме. Он тоже пошутил: есть и другое – как поскорее сделать ноги... А потом их захлестнула волна – хорошо, что успел донести до места чашку и выключить воду. Постель в спальне тоже оказалась застеленной чистым бельем – обдумывать этот феномен было некогда. Хотя куда понятнее – одинокая, страдавшая женщина, которой не нужен первый встречный, а нужен только тот, с кем ей будет хорошо... В голове шумело – мягкая постель, приятно пахнущее белье, приглушенный свет ночника и женщина в его объятиях, к которой очень приятно прикасаться...

Полночи они не отрывались друг от друга, упивались близостью. Настал момент, Лиза прошептала: все, я больше не могу, прости меня за все – и уснула мертвым, но счастливым сном. А он еще долго не мог уснуть, лежал, размышлял о перипетиях судьбы. Под боком посапывала женщина, о существовании которой он вчера еще даже не подозревал. Весь в задумчивости вышел на балкон, покурил. Проснулся дикий голод. Пару минут он колебался – ладно, если холодильник не идет к Магомету... Попутно с поеданием чужих продуктов выпустил из туалета кота.словно ящик Пандоры открыл! Тот вылетел из санузла разъяренный, с горящими глазами. Пришлось кормить – благо знал уже, где в этом доме хранится кошачий корм.

Когда Олег проснулся, меховое животное лежало у него на голове и размеренно сопело. Он осторожно снял кота и опустил на пол. Тот прорычал что-то грозное, повалился на ковер и снова уснул. «Странно, – подумал Олег, – переспал с чужим котом». Впрочем, женщина тоже была здесь. Она лежала на животе, разметавшись – хорошенькая, очень эротичная, и тоже умиротворенно сопела. Несколько минут он лежал рядом с ней, прислушиваясь к своим ощущениям. Включился «индикатор»: а хочет ли он проснуться с ней завтра? Послезавтра? Очень хотелось! И что это значило? Он понятия не имел. Придвинулся поближе, погладил ее по спине. Спина отзывчиво выгнулась, женщина сонно замурлыкала, открыла глаза и улыбнулась – спокойно так, ласково.

Потом были водные процедуры, завтрак в постель. А позже включился тот самый перфоратор. Он пронзительно визжал, сверло вгрызалось в бетонную стену. Терпеть это издевательство было невозможно.

– О, боже... – простонала Лиза, откидывая голову на подушку. – Это не у нас, это в соседнем подъезде, даже не знаю, где это... Весь этот джаз возникает спонтанно, независимо от времени суток, может продолжаться несколько секунд, а может длиться целую вечность...

Работа инструмента с треском оборвалась – сломалось сверло.

– Бог услышал, – выдохнула Лиза.

– Разберемся, – пообещал Олег. – Совершим обход, поговорим с населением. Если не поймут, ну что ж... Ты знаешь, что все люди делятся на тех, кто уже убил своих шумных соседей, и тех, кто еще не решился?

Она засмеялась, обвила его вокруг шеи и зашептала на ухо:

– Ты не убьешь никого, ты добрый. Я видела вчера в окно, как ты кормил собаку на крыльце супермаркета – ты купил бродячей дворняжке связку дорогих сосисок... Либо ты очень добрый, либо любишь животных, либо тебе некуда девать деньги... Ты не уйдешь сегодня? – встрепенулась она. – Побудешь со мной?

– Побуду, – пообещал Олег. – Но не станем забывать, что у меня есть собственное жилье, которое надо приводить в порядок. Да и вообще... – Он смущенно замолчал.

– Как меня напрягает это «вообще», – вздохнула Лиза. – Ты ничего не хочешь рассказать? Кто ты, чем занимаешься, что тебя постоянно терзает? Дальше меня твои признания не уйдут, я могу что-нибудь подсказать, успокоить... Но если не хочешь, можешь не рассказывать, я пойму... – Она съежилась, отстранилась от него, обняла себя за плечи.

Он все ей рассказал – о своей многолетней службе на «царя-батюшку», о том, что мнение, что он «никого не убивает», в корне ошибочно (убивает часто и даже на этой неделе отправил к праотцам целую банду). Рассказал о своей отставке, о сестре, насильно увезенной в Сирию и брошенной на съедение экстремистам самой зловещей террористической организации. По мере его рассказа Лиза все больше сжималась, замыкалась, прятала глаза, пару раз всхлипнула.

– Такие вот дела, – со вздохом заключил Олег, выбираясь из кровати, – так что хорошенько подумай, хочешь ли иметь со мной дело. Сейчас я не у дел, отстранен, но это не значит, что со мной будет легко и беззаботно. Я подарок тот еще. Ты знаешь, где меня найти.

Он с сожалением посмотрел на свернувшийся комочек, оделся и тихо ушел. Примерно час он мертвой зыбью шатался по своей квартире этажом ниже, заварил крепкий кофе, после чего залил им всю плиту, и пришлось варить новый. Через час в дверь постучались. Вошла Лиза, обняла его, прижалась, шумно выдохнула. Стало хорошо на душе, кошки, которые там скребли, оставили свое занятие и брызнули враспыльную.

– Бедненький ты мой, – погладила она его по голове. – Свалились на тебя сто сорок несчастий... – Взяла его за руку, отвела на кухню и со страхом уставилась на залитую кофе плитку: – Какая прелесть! Вымыть сразу ты не догадался. Грязь должна выстояться. О боже, и откуда валяются на тебя эти бедствия? – Она уселась напротив, внимательно посмотрела в глаза: – Как же ты воюешь с этими нелюдьми, которые считают себя «правильными» магометанами? Наверное, собачья работа...

– На самом деле это легко, – отшутился Олег. – Надо лишь дожидаться, пока они начнут делать намаз.

– Молодец, отоврался, – кивнула Лиза. – Я тебе не рассказывала, потому что не было повода, а тему твоей сестры мы пока не обсуждали. Не хочу скрывать от тебя. В районе рождественских праздников твоя сестра сюда приезжала.

– Серьезно? – вздрогнул Олег.

– Она прожила в Заславле несколько дней. Ольга была не одна, со смуглым мужчиной. Несколько раз здоровались, пару минут поговорили на лестнице. Она была какая-то странная,

словно не от мира сего. Вела себя так, как будто ее в жизни ничего не интересует. Глаза пустые, улыбается с трудом, словно принуждают это делать. Она изменилась даже внешне – неприбранная, не накрашенная, голова немытая. Я рассказывала про себя, она кивала, но витала где-то далеко, мои слова до нее не доходили. Сказала, что заехала на пару дней, нужно провести здесь время... странная фраза – словно они скрывались от кого-то. Сказала, что выходит замуж, этот парень – ее избранник, они едут в Турцию, где у жениха свой дом – мол, теперь она счастлива, добилась всего, что хотела. А ее жених... Вежливый такой, улыбался, уступал дорогу, но молчал как рыба. Ему лет сорок, усатый, смазливый... никаких особых примет. Имя какое-то, не помню... то ли Аркан, то ли Таракан...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.